

“IDEA ROMANA” КАК ФАКТОР ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ХРИСТИАНИЗАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (313–423 ГОДЫ)

“IDEA ROMANA” AS A FACTOR OF POLITICAL AND LEGAL DEVELOPMENT IN THE ERA OF CHRISTIANIZATION AND THE DISINTEGRATION OF THE ROMAN EMPIRE (313–423 YEARS)

Мельник В.М.,

*главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории»,
преподаватель кафедры философии и общественных наук
Винницкого национального университета имени Н.И. Пирогова,
член Украинской ассоциации внешней политики*

«Римская идея» с момента своего появления и до сих пор является результатом синтетического обобщения всех главенствующих направлений интеллектуальной жизни Римской империи и европейского раннего Средневековья. Она возникла из соединения Античности и Средних веков и продолжает существовать в виде наглядного свидетельства о непрерываемой связи времен.

Ключевые слова: Римская идея, Римский мир, Римский эллинизм, католичество, папство, Ватикан, христианство.

«Римська ідея» з моменту своєї появи і досі є результатом синтетичного узагальнення всіх чільних напрямів інтелектуального життя Римської імперії та європейського раннього Середньовіччя. Вона виникла зі з'єднання Античності і Середньовіччя та продовжує існувати у вигляді наочного свідчення про неперервний зв'язок часів.

Ключові слова: Римська ідея, Римський світ, Римський еллінізм, католицизм, папство, Ватикан, християнство.

The “Roman idea” from the time of its appearance until now is the result of a synthetic generalization of all the predominant directions of the intellectual life of the Roman Empire and the European early Middle Ages. It originated from a combination of antiquity and the Middle Ages and continues to exist in the form of visual evidence of an uninterrupted connection of times.

Key words: Roman idea, Roman world, Roman Hellenism, Catholicism, papacy, Vatican, Christianity.

Император Константин Великий стал основателем юридической конструкции Церкви и политическим идеологом христианства в полном смысле этого слова. Константин крестился незадолго до смерти (его крестил в 337 году епископ Евсевий) [7, с. 29]. Однако, будучи язычником, он официально считался епископом. Исходя из необходимости систематизировать новое религиозное учение, Константин спроектировал и создал верховный орган церковной власти – Вселенский церковный собор [7, с. 20–21]. Возглавив его, Константин продолжил древнеримскую традицию сосредоточения высшей светской и религиозной власти в императорских руках. Однако Константин преследовал не только удовлетворение собственных амбиций. Он создавал параллельный административный аппарат – епископства. Эти епископства, наделенные смешанными религиозными и светскими полномочиями, должны были стать политической опорой Римской империи [6]. В условиях прогрессирующего кризиса общественного сознания, всеобщей нравственной деградации передача многих светских полномочий христианским епископствам выглядела разумным шагом. Как покажет дальнейший ход истории, именно создание Константином церковной администрации продлило существование Римской империи и позволило реанимировать саму римскую идею (“Idea Romana”).

Эпоха Константина Великого (306–337 годы) – это конец Древнего Рима и начало формально-юридического существования Христианской Церкви [2; 7]. Именно годы его правления заложили тот идеологический фундамент, на котором будут построены Византия, Священная Римская империя Запада, Священная Римская империя германской нации и даже Московское царство. Все перечисленные государственные образования базировались на «римской идее» – мировоззренческой системе возрождения континентального или межконтинентального многонационального государства с христианской религиозно-политической основой. «Римская идея» предполагает культурное родство всех народов, живущих на землях бывшей Римской империи.

Понятие «римская идея» состоит из нескольких обязательных пунктов: а) стремление к построению многонационального государства; б) претензии на территории бывшей Римской империи (даже минимальные); в) христианское мировоззрение; г) опора на централизованный бюрократический аппарат. Не обязательным, но также важным пунктом выступает автократический характер государственной власти в стране с доминирующей «римской идеей». Это отчетливо проявилось в ее средневековых реанимациях (в частности, в Византии).

Подчеркнем, что появление либерализма в европейской политической мысли XVIII – XIX веков постепенно оттеснило автократические идеалы с их абсолютистским воплощением, но лишь в сфере гражданской администрации. Политическая идея окончательного отсоединения церкви от государства (в странах Западной Европы) привела к либерализации системы государственного управления параллельно с консервацией административного мировоззрения Католической Церкви. Святой Престол был вынужден направить интеллектуальные силы на сохранение и обоснование теократической формы администрирования. В этих условиях создавался тот мощный аппарат «государства в государствах», который в 1929 году превратился в Ватикан.

Построение и совершенствование теократии в условиях либерального натиска на католичество требовали крепкого идеологического фундамента. На наш взгляд, именно «римская идея» вместе с ее автократическими положениями подходила для этого как нельзя кстати. К тому же она подчеркивала (и подчеркивает) наследственное право Ватикана на весь христианский мир, поскольку этот мир распространялся из одного ядра – Римской империи [6].

Особенно важен реалистичный характер «римской идеи». Если, к примеру, принципы античного Возрождения (усвоенные деятелями гуманизма), полисной демократии (взятые на вооружение западноевропейскими и американскими либералами) или общинной демократии (разработанные германскими учеными), сарматизма (действовавшие в Речи Посполитой) построены на

мифологической основе, то «римская идея» построена на реально действовавшей системе государственного управления [3, с. 272; 8, с. 156]. Католическая Церковь как субъект европейского политического процесса не пользовалась мифологизацией в процессе собственной институционализации. Она опиралась на реальный базис, заложенный императором Константином Великим, успешно действовавший даже после падения Западной Римской империи в 476–480 годах.

Константин Великий – первый христианин-император и первый христианин во главе централизованного государства. Как епископ Константин стал примером соединения духовной и светской властей для византийских императоров [1]. Этот же пример в дальнейшем культивировался также и Римскими Патриархами. Система организации власти при Константине Великом дала толчок к формированию института римского понтифика. В основании этого института мы также видим «римскую идею» с ее авторитарным подходом и мировоззренческим символизмом такого подхода. Образ Папы Римского во многом восходит к образу римского императора. С точки зрения политической психологии развитие института папства стало ответом бывшей римской Европы на отсутствие персонафицированного воплощения собственной цивилизации – императора. Этот тезис поддерживает Джон Норвич в своей «Истории Византии». Рассматривая свержение последнего римского императора (4 сентября 476 года) Ромула Августа (475–476 годы) германским вождем Одоакром (476–493 годы), Дж. Норвич пишет: «Решение Одоакра также создало в Риме политический вакуум. Люди инстинктивно начали искать другую патерналистскую фигуру. И тогда они возвысили епископа Рима, уже являвшегося примасом христианского мира, наделив его как светской, так и духовной властью, введя пышные, полумистические формы церемониала, в прежние времена использовавшиеся для почитания императора. Началась эпоха средневекового папства» [7, с. 64].

Современный Ватикан и вся политико-правовая основа Святого Престола были бы совершенно другими, если бы не деятельность Константина Великого. Именно она предопределила римскую идею, а римская идея предопределила появление Святого Престола – административного центра Вселенской Христианской Церкви.

Константин Великий оставил на политической арене Римской империи троих сыновей, имена которых свидетельствовали о формировании культа личности императора – Константа, Константина II, Констанция. Империя была разделена на три части. Констант руководил Британией и Галлией, Константин – Италией, Испанией, Африкой, а Констанций – Востоком. Тетрархия наследников Константина Великого не принесла империи ничего, кроме усобицы. Победителем из нее вышел Констанций – второй правитель Константинополя. Он правил империей с 337 по 361 годы. Правление Констанция важно для нас как продолжение традиции Константина Великого. Впервые на престол вззошел император, который к этому моменту уже был крещен. Ряд исследователей называет Констанция первым «полноценным императором-христианином». Важным элементом политики Констанция стало направление христианства «сверху вниз». В Константинополь целенаправленно перевозились из Рима древние патрицианские роды. На руководящие посты назначались чиновники и центурионы христианского вероисповедания [7, с. 32].

Совершенно иначе повел себя после смерти Констанция новый император – Юлиан Отступник (361–363 годы). Его фигура требует детального рассмотрения в историко-юридическом контексте. Будучи философом, знатоком правовых обычаев, август Юлиан считал христианство виновным в моральном разложении римского

населения. Выход из создавшегося положения Юлиан видел только в отказе от христианства и в возврате к язычеству древнего типа [7, с. 33–39]. Эпоха реакции продлилась недолго. Гибель Юлиана Отступника во время похода в Персию была воспринята военными и философами как знак «божественного неудовлетворения» проводимой им политикой. Юлиан Отступник – последний император-нехристианин Рима и Константинополя. Своей кратковременной борьбой против церковного клира Юлиан снискал поддержку в языческих слоях населения Рима. Однако Константинополь относился к его «реформам» отрицательно. Со временем отрицательная реакция распространилась и на Западе империи, где патриции воспринимали эллинистическое мировоззрение августа как начало делатинизации Рима.

Юлиан Отступник (361–363 годы) интересен прежде всего как идеолог римского эллинизма. Этот интересный идейный симбиоз в течение следующих столетий превратился в составную часть «римской идеи». К примеру, присоединение к Византии как духовному *Pax Romana* Киевского государства сопровождалось рецепцией римского духовного наследия на греческой основе. Распространение римского права в Южной и Восточной Европе происходило как раз в контексте греческого влияния [12]. Римское право превратилось в инструмент эллинизма. Перенимая любое интеллектуальное новшество из Константинополя, страна-реципиент ощущала свое приобщение к древнеримскому и древнегреческому наследию одновременно [12, с. 43–46].

Римский эллинизм обосновал император-язычник. Однако распространение римского эллинизма как концепта более широкой «римской идеи» происходило благодаря Христианской Церкви. Этот парадокс для нас очень важен. Он свидетельствует о той обширной теоретической работе, которая велась христианством в самом начале его институционализованного существования. Римская идея была взята на вооружение проповедниками. Христианизация населения империи осуществлялась императорами «сверху вниз», а распространение «римской идеи» происходило через клир «снизу вверх». Как оказалось, «римская идея» была понятна массам. Христианизация варварских народностей смягчалась объяснением, что они таким путем становятся частью римской цивилизации, то есть равными Риму. Учреждение епископств в отдаленных регионах империи также смягчалось рассказом о том, что такая система функционирует в «Вечном городе». На Западе мощный толчок к христианизации населения (хотя и с сильной арианской окраской) был дан именно примесью «римского эллинизма» к «римской идее» [4]. Этот толчок характеризовался возрождением древних традиций в новой оболочке. Именно так священники-проповедники объясняли христианство западноевропейским общинам. Распространение Христовой Веры было бы невозможным в условиях Галлии, Гельветии или германских племен на Рейне без определенного соглашения между евангелизаторами и местными жрецами. Вероятно, что именно бывшие жрецы превращались в христианских иерархов.

Превращение языческих жрецов, пантеистических волхвов в христианских священников стало основным базисом для приобщения «римского эллинизма» к «римской идее». Римский эллинизм развивался как реакция языческих масс империи на всеобщее падение нравов, глубокий экономико-политический кризис. В возрождении древних (в частности, античных) традиций виделась последняя возможность уберечь Римскую империю от пагубных последствий кризиса. Для многих современников синтез древних традиций и идущего с самых верхов христианства казался вполне приемлемым. Племенная знать одновременно демонстрировала покорность Риму, получала карт-бланш на проведение централизаторской

политики в своем регионе и признавалась равной римским патрициям в соответствии с постулированным новой религией всеобщим равенством.

Описанный выше процесс мы характеризуем как накладывание римского эллинизма на римскую идею. Свежий концепт органично вошел в древнюю теорию. Интеллектуалы и политические деятели Pax Romana поняли, что новая религия обладает особым потенциалом сплавлять массы. Христианство, вступив во взаимодействие с массовым сознанием локальных элит, очень быстро стало ядром римской идентичности. Так появилась та политико-правовая теория, которую мы называем «римской идеей».

Папство изначально развивалось как часть «римской идеи». Оно еще не ассоциировалось со всем христианством, хотя, бесспорно, обладало наивысшим авторитетом в среде мирового христианского клира. Лишь после 476 года начнется движение к взаимоидентификации папства и христианства. *В тот момент, когда институт и религия слились в социальной психологии европейцев, политический оплот римской идеи (Рим) трансформировался в церковный (Католическая Церковь). Идеология и религия слились, дабы создавать европейскую идентичность [5; 6; 7; 11].*

Зарождение политико-правовой теории, называемой нами «римская идея», было бы невозможным без «римского эллинизма», исходящего от языческих элит империи. Невозможным оно стало бы и без новой религии – христианства. Поэтому «римская идея» с момента своего появления и до сих пор является результатом синтетического обобщения всех главенствующих направлений интеллектуальной жизни Римской империи и европейского раннего Средневековья. Она возникла из соединения Античности и Средних веков и продолжает существовать в виде наглядного свидетельства о непрерываемой связи времен.

После смерти августа Грациана (383 год) Феодосию удастся объединить под своей властью всю территорию Римской империи. Упорная борьба за каждую провинцию и постоянное подавление мятежей сделают эту власть особенно ценной для Феодосия Великого (379–395 годы). Феодосий Великий начнет административную и военную реформы, всецело поддержит синтез языческих традиций с христианством ради укрепления государственности. С ним в империи снова заработают законы.

Феодосий Великий – последний император единой Римской империи. Работа над воссозданием бюрократического аппарата показала всю несостоятельность централизованного управления многонациональной империей. Феодосию пришлось постепенно возвращаться к старой и проверенной тактике древних римских правителей «Разделяй и властвуй!». Он выступал за автономизацию провинций. Однако военная и церковная сферы должны были строго подчиняться Риму. Выстраиваемая Феодосием система политических взаимоотношений работала в ущерб «Вечному городу». Каждая административно-территориальная единица империи формально воспринималась как равная Риму, ведь она представляла собой часть Римского государства. Поэтому каждая административно-территориальная единица, по мнению Феодосия Великого, должна сохранять свои традиции, свою культуру и свои политические особенности. Всеобщая система римского публичного права не должна была регламентировать эти особенности. Политика унификации проводилась лишь в сфере римского частного права, благодаря чему, как мы считаем, именно римскому частному праву удалось сохраниться в аутентичном виде. Полной реализации формулы «Разделяй и властвуй!» Феодосию Великому удалось добиться лишь в конце своего правления. Перед смертью он счел необходимым разделить формально единую дотоле Римскую империю на две равные друг другу по значению части, а именно

Восточную Римскую империю и Западную Римскую империю. В реализации этой реформы Феодосий Великий опирался на опыт удачного политического взаимодействия между братьями Валентинианом (364–375 годы) и Валентом (364–378 годы). К тому же стоит отметить, что политико-географическая ситуация в тогдашней Евразии складывалась таким образом, что существование одного государственного организма на столь протяженной территории распыляло военные силы, утяжеляло сбор налогов и замедляло введение любых политико-юридических новшеств. А это таило в себе фундаментальные геополитические опасности. В случае возможного крушения Рима гибло все государство. Вероятно, что именно поэтому Феодосием Великим было решено создать два римских государства с одинаковой исходной политической системой.

Итак, в 395 году вместо единой империи появились две. Они были разделены между двумя сыновьями умершего августа. Расчеты Феодосия Великого оказались недалеки от истины. Правление августа Востока Аркадия (395–408 годы) и августа Запада Гонория (395–423 годы), особенно на раннем этапе, отличалось высокой степенью политической коммуникации. Оба государства помогали друг другу [7]. На Востоке сразу же началось радикальное обновление бюрократического аппарата. Запад попытался аккумулировать все силы для противостояния многочисленным германским племенам. Отметим, что Великое переселение народов начиналось в дипломатической плоскости. Германские вожди вели переговоры с представителями августа по поводу возможности поселения на территории Западной Римской империи. Это поселение рассматривалось ими как возможность интеграции в культурное пространство Римского мира. Германскими племенными элитами двигало желание войти в римский патрициат. Ради этого, как показывают источники, они были готовы пройти через все этапы инкультурации. Несогласие римского нобилитета и нарастание внутренних конфликтов в Западной Римской империи откладывали решение германского вопроса. В итоге Великое переселение народов началось фактически как «самозахват» германскими племенами пограничных территорий. Неспособность Рима защитить свои границы, первый самостоятельный уход римлян из европейской провинции (Британии) во времена августа Гонория (395–423 годы) ознаменовали конец империи на Западе [7]. Все дальнейшие социально-политические процессы лишь подкрепляли наше утверждение. *Нарастание противоречий между региональными элитами и малая боеспособность военных подразделений, нежелание римских граждан отстаивать то государство, которое не может их защитить, несоответствие высоких налогов низкому экономическому уровню провинций, теоретическое признание равенства между плебсом и нобилитетом... Все эти факторы подготавливали падение Западной Римской империи, которое произошло сначала в головах ее граждан, а уже потом на политической карте мира [2; 5; 9; 10].*

Гонорий (395–423 годы) не стал реформатором. Он утратил контроль над теми территориями, которые удалось объединить Феодосию Великому (379–395 годы). Во время его правления Западная Римская империя пала как пространство легитимного подчинения Риму. *V век парадоксальный для Западной Европы. Западная Римская империя стояла на грани падения. Но именно на грани ее падения зарождалась «римская идея». Она пока была лишь социально-психологической особенностью Римского мира. Никто еще не мог сказать, что же станет объединительным ядром для народностей, культивирующих ее. Но ядро уже формировалось. И формировалось оно там, где уровень морального, психологического и политического разобщения был наиболее высок – в Риме. Этим ядром стало Папство.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Архімандрит Кирило (Говорун). Українська публічна теологія / Арх. Кирило (Говорун). – К. : Дух і літера, 2017. – 144 с.
2. Камнев С.Н. Эдуард Гиббон о роли христианства в упадке и крушении Западной Римской империи / С.Н. Камнев // Омский научный вестник. – 2010. – № 2. – С. 54–56.
3. Кирилук Ф.М. Скіфо-сарматський міф крізь призму політичної антропології і лінгвокультурології / Ф.М. Кирилук, В.М. Мельник // Гілея. – 2016. – Вип. 112. – С. 270–274.
4. Мельник В.М. Нариси з теорії соціокультурної антропології / В.М. Мельник. – Вінниця : Вінницька міська друкарня, 2015. – 552 с.
5. Мельник В.М. Теоретична конструкція політичної антропології / В.М. Мельник // Гілея. – 2016. – Вип. 113. – С. 348–360.
6. Мельник В.М. Еволюція міжнародно-правового статусу Ватикану: історія, сьогодення, українські акценти / В.М. Мельник. – Вінниця : Меркьюрі-Поділля, 2017. – 192 с.
7. Норвич Дж. История Византии. История Венецианской республики / Дж. Норвич. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 960 с.
8. Петрушенко О.Ф. Сарматський концептуалізм у картографії і літературі / О.Ф. Петрушенко // Анналі юридичної історії. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 154–159.
9. Риер Я.Г. Правовые различия средневековых европейских городов: истоки и региональные особенности / Я.Г. Риер // Анналі юридичної історії. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 22–29.
10. Риер Я.Г. К проблеме формирования основ гражданского общества в средневековой Европе / Я.Г. Риер // Наукові засади об'єктивності і суб'єктивності громадянського суспільства : збірник тез і матеріалів доповідей Міжнародної наукової конференції (м. Київ, 24–25 квітня 2017 року) в рамках «Днів науки філософського факультету – 2017». – К., 2017. – С. 3–8.
11. Сажина В.В. Римское право: взгляды на рецепцию / В.В. Сажина // Анналі юридичної історії. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 43–46.
12. Смирнов И.Н. Очерк культурной истории южных славян. Развитие духовной жизни / И.Н. Смирнов. – М. : Книжный дом «Либроком», 2011. – 160 с.

УДК 340.115

ІСТОРІЯ СТАНОВЛЕННЯ ТА РОЗВИТКУ АНТРОПОЛОГО-КОМУНІКАТИВНОГО МЕТОДОЛОГІЧНОГО ПІДХОДУ ДО ПІЗНАННЯ ПРАВА

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ANTHROPOLOGICAL AND COMMUNICATIVE METHODOLOGICAL APPROACH TO COGNITION OF LAW

Наставна Г.В.,

аспірант кафедри теорії права та держави
Київського національного університету імені Тараса Шевченка

У роботі автором проведено ретроспективний аналіз зародження, становлення та розвитку уявлень про антрополого-комунікативний методологічний підхід до пізнання правових явищ. Визначено стан наукового пізнання антрополого-комунікативного методологічного підходу в юридичній науці. Здійснено періодизацію історії зародження та розвитку уявлень про антрополого-комунікативний методологічний підхід, надано характеристику виокремленим періодам.

Ключові слова: методологія, методологія юридичної науки, методологічний підхід, антрополого-комунікативний методологічний підхід, історія становлення та розвитку антрополого-комунікативного методологічного підходу.

В работе автором проведен ретроспективный анализ зарождения, становления и развития представлений об антрополого-коммуникативном методологическом подходе к познанию правовых явлений. Определено состояние научного познания антрополого-коммуникативного методологического подхода в юридической науке. Осуществлена периодизация истории зарождения и развития представлений об антрополого-коммуникативном методологическом подходе, и охарактеризованы выделенные периоды.

Ключевые слова: методология, методология юридической науки, методологический подход, антрополого-коммуникативный методологический подход, история становления и развития антрополого-коммуникативного методологического подхода.

In this work the author conducted a retrospective analysis of the origin, formation and development of ideas about the anthropological and communicative methodological approach to the knowledge of legal phenomena. The state of scientific knowledge of anthropological and communicative methodological approach in legal science is determined. The periodization of the history of origin and development of ideas about the anthropological-communicative methodological approach and the characteristic for the isolated periods was made.

Key words: methodology, methodology of legal science, methodological approach, anthropological and communicative methodological approach, history of formation and development of anthropological and communicative methodological approach.

Постановка проблеми. Актуальність наукової розробки питання генези уявлень про антрополого-комунікативний методологічний підхід до пізнання правових явищ зумовлена:

1) по-перше, функціональним призначенням антрополого-комунікативного методологічного підходу до пізнання правових явищ, що сьогодні закладений в основу формування та розвитку більшості інтегративних підходів до правопізнання, забезпечуючи дослідження правових явищ під кутом сучасних проблем їх становлення, розвитку, функціонування та призначення;

2) по-друге, перспективним характером застосування антрополого-комунікативного методологічного підходу до пізнання правових явищ, що виявляється в його потужному

методологічному потенціалі дослідження правових явищ як складних багатоаспектних елементів правової реальності.

Таким чином, відзначаючи високий рівень актуальності наукової розробки питань генези уявлень про антрополого-комунікативний методологічний підхід до пізнання правових явищ, беручи до уваги значний пізнавальний потенціал вказаного методологічного підходу, в якості мети цієї наукової роботи вважаємо за доцільне провести ретроспективний аналіз зародження, становлення та розвитку уявлень про антрополого-комунікативний методологічний підхід до пізнання правових явищ та здійснити періодизацію історії зародження та розвитку уявлень про антрополого-комунікативний методологічний підхід та надати характеристику виокремленим періодам.